

18 ФЕВ 1981

«ЧАСОВОЙ СВОБОДЫ»

К 125-летию со дня смерти Генриха Гейне

«Рожденному клеймить умирающей насмешкой все мерзкое и отжившее, бессмысленное, фальшивое и смехотворное, — говорил он одному из друзей, — мне дано также от природы чувствовать возвышенное, восхищаться великим и славить живое». Слова эти могут служить эпиграфом ко всему творчеству Гейне, многогранному и противоречивому, но неизменно исполненному глубиной и искренней любви к человеку, пламенной веры в него.

ГЕНРИХ Гейне родился 13 декабря 1797 года в Дюссельдорфе. Отец его был мелким торговцем сунном. По окончании мрачного католического лицея он, по воле родителя, должен был обучаться торговому делу. С этой целью его отправили в гамбургского яхт-дьюше-миллионеру С. Гейне. В доме этого самодура на положении бедного родственника юноша прожил несколько лет. Здесь он безнадежно влюбился в кузину Амалию, которая предпонула, разумеется, бедному поэту богатого помещика. В 1819 году, утвердившись в глазах домашних как совершенно непригодный к коммерции человек, Гейне получил, наконец, возможность поступить в университет. Шесть лет учебы в Боннском, Геттингенском и Берлинском университетах дали ему диплом доктора права, которым он так и не смог никогда воспользоваться.

Реакция в Германии, пустота в кармане и стрела в сердце — все это оставило след в раннем творчестве Гейне: в стихах «Юношеских страданий», в трагедиях «Алманзор» и «Ратклиф».

С самого начала — сквозь кошмарно-романтиче с к и й сумбур — в его творчестве пробивается живой голос демократического протеста. Так, в «Фреско-сонетах Христиану З.» юный поэт мечтает учинить скандал всем правящим Германией «рыцарям, монахам, государям». А в трагедии «Ратклиф» — вдруг открывает, что люди разделены на «два народа — сытых и голодных»...

Время с 1822 по 1841 годы — пора творческого и революционного становления поэта. Для него не прошли бесследно пробуждение демократических сил в Германии, июльская революция 1830 года во Франции. За эти годы Гейне были написаны «Книга песен», «Путевые картины», «Романтическая школа», «Атта Троль» и т. д.

В 1831 году Гейне эмигрирует во Францию; в Париже ему суждено жить до конца своих дней.

Но и в эмиграции своим главным делом поэт считает борьбу за освобождение и демократическое объединение немецкого народа. «Народ требует, чтобы писатели перестали с ним его обыденные страсти... Народ хочет, чтобы его волновали». Это значит, что время требует от литературы ясности мысли, искренности чувства, естественности формы. Всякие формалистические изыски — сомнительны. «Нередко красивые рифмы, — считает Гейне, — всего лишь костыли для колченогих мыслей».

«Книга песен» — первый поэтический шедевр Гейне — навсегда остался прекрасным памятником его лирического дара. С каким мастерством он сумел показать в ней искания, разочарования и надежды новой, демократической, личности, богатство и напряженность ее духовной жизни!

И какое остервенение вызвала эта книга у закоснелого немецкого филлистера! Она раздражала всем — даже «тривальностью» поэтического языка. Да, действительно, словарь поэзии Гейне открывал ординарен. Но — поэт вдохнул в обыденное юную душу, обогрел ее мудростью бытия, облек в блестящие поэтические одежды.

Казалось бы, все чудесно — пиши, знай, да пиши... Ан, нет: «Время уж очень гнусное». И вот — «проза принимает» поэта «в свои широкие объятия», проза «грубая, оскорбительная и гневная». В «Путевых картинах» — от одной части к другой — все резче и отчетливее звучат социально-политические мотивы. Гейне все глубже и со все большим мужеством вскрывает гниотники современного общества.

Удивительный сплав веры и отчаяния — это спелфический гейневская амальгама «горькой радости». Мир расколот надвое — и трещина

проходит через сердце поэта. Этот известнейший гейневский образ из его «Луккских вод» стал девизом нового искусства, вобравшим в себя весь его оптимистический трагизм.

Бурные 40-е посулили скорое как будто освобождение от ненавистной дворянско-клерикальной реакции — и Гейне оживает, преисполняется самых радужных надежд. В 1843 году он записывает в дневнике: «Время с неудержимой быстротой, на дымящихся паровозах, несется вперед...» Он знакомится и сближается с К. Марксом. Сорокашестилетний поэт полон уважения к своему двадцатипятилетнему другу. Целыми ночами просиживают они за беседами и правкой стихов. Не будем преувеличивать влияния Маркса на Гейне: нежную вертеровскую «флейту» поэт сменил на «революционный барабан» года за полтора до своего знакомства с «доктором революции» — начав цикл «Современные стихотворения». Но вот, скажем, знаменитые «Силезские ткачи» написаны уже бесспорно под влиянием Маркса.

В 1844 году Гейне создает крупнейшее из своих поэтических творений — поэму «Германия. Зимняя сказка».

«Германия» — верш и н а поэзии Гейне, жемчужина мировой поэзии. Все, что было лучшего в его поэтической лаборатории, нашло свое высшее развитие в поэме. Это радостная боевая песнь свободы, жизнеутверждающий гимн человеку.

Поэму пронзывает револю-

ционный пафос, уверенность в том, что близятся долгожданные дни раскрепощения Германии, а за ней и всей Европы. Поэт убежден: старый мир обречен на гибель; он знает: в борьбе со старым поднимается и крепнет новое поколение людей, которому, он верит, принадлежит будущее...

И он был кругом прав. Но жизнь не торопилась с подтверждениями прозрений поэта — наоборот, она как будто задалась целью опровергнуть его, нанося удар за ударом. В 1846 году Гейне тяжело заболел, через два года — паралич, полуслепота, «матрачная могила» — и уж до самой смерти в 1856 году. Революция во Франции оказалась, по существу, антинародной: «Люди мысли, так неумолимо подготовлявшие революцию в XVIII столетии, покраснели бы, если бы увидели, для каких людей они работали». Революция в Германии вообще потерпела поражение: Англия погрязла в эгонизме. Америка — «необъятная тюрьма свободы» (Гейне разглядел это одним из первых — и как ни удивлялся проницательности поэта)...

И все же дух умирающего Гейне остался несломленным. До смертного часа поэт верил, что народ и те освободительные идеалы, которым он служил, вечны, и победа их неизбежна. Размышляя над судьбами «победительных победителей», он писал:

Верь, не только триумфатор,
Верь, не только увенчанный
От руки слепой богини,
Но и сгорбный сын

несчастья,
И боец в борьбе с судьбой,
Павший истинным героем,
Будет веки жить и веки
У людей в воспоминаньи!

«Часовым свободы» считал он себя. И до конца оставался на своем революционном посту.

И. БЕЛЯЕВ.